Коммунист
г. Ереван
16 ФЕВ 1984

Гурген БОРЯН

НАШ ВАГАРШ

Каждый истинный художник оставляет в сердце народа неизгладимую память, вечно светлые, вечно живые воспоминания, переходящие от поколения к поколению. И нет ничего труднее, чем заслужить признание народа, завоевать память его сердца.

Таким художником был Вагарш Вагаршян.

Выходец из Шуши, из Карабаха, живописного края высоких гор и высокого неба, Вагаршян еще на заре нашего столетия, совсем молодым окунулся в бурный водоворот жизни, пережил времена трудные, беспокойные, отмеченные грандиозными социальными столкновениями, и, наконец, стал свидетелем самой драматической поры истории человечества — поры рождения нового мира, рождения нового искусства. Многое увидел, узнал, перечувствовал Вагаршян-гражданин и Вагаршян-художник в своей беспокойной, исполненной глубокого смысла и содержания жизни, и, как это свойственно всем богатоодаренным натурам, остался ярким и неповторимым в каждом своем творческом дерзании.

Широкой и многогранной была деятельность Вагарша Вагаршяна и вместе с тем она была прекрасна в своей гармонически стройной цельности. Артист, режиссер, драматург, преподаватель, наставник, организатор, общественный деятель. Даже одной из этих граней, взятой в отдельности, хватило бы на целую человеческую жизнь, особенно если учесть, как много сделал Вагаршян в каждой из названных областей. Вагаршян явился одним из основоположников советской армянской драматургии. Он дал армянскому театру и зрителю такие замечательные пьесы, как «В кольце», «Министр финансов», «Ванкадзор» и другие. Его перу принадлежит талантливая книга воспоминаний «Мои товарищи, друзья и я». Он был режиссером, автором многих незабываемых спектаклей, одним из первых постановщиков и интерпретаторов драматургии Горького на армянской сцене («Васса Железнова», «Достигаев и другие»). Он был воспитателем нескольких поколений учащихся театрального института, театральным деятелем, отличавшимся широтой замыслов и неисчерпаемостью энергии. Наконец, он был гражданином, откликавшимся на все вопросы своего времени и своего народа.

Однако из всей творческой и общественной деятельности разносторонне одаренного Вагаршяна как наиболее блестящая, как **неповторимая** грань выступает искусство артиста, которое и ввело его в ряды самых прославленных мастеров армянской сцены.

Знаменательно, что в разное время, в разные годы, имевшие для Вагаршяна-артиста важнейшее этапное значение, его личность и сценическое искусство привлекли внимание трех величайших армянских поэтов. Ованес Туманян, прослушав чтение молодого Вагаршяна, назвал юношу, еще не взошедшего на сцену, но уже лелеявшего в сердце эту мечту, настоящим **артистом**. Позднее, в 1925 году, когда Вагаршян делал первые шаги в театре имени Сундукяна, его исключительное артистическое дарование отметил Егише Чаренц по поводу исполнения Вагаршяном роли Павла Первого. И наконец, когда артист вступил уже во второе пятидесятилетие своей жизни, Аветик Исаакян сказал о нем: «Вагарш Вагаршян — истинный сын нашей великолепной эпохи, ее идей, ее духа; его искусство светится светом нашей действительности».

1914—1959. Между двумя этими датами заключена удивительная творческая жизнь, богатая и светлая биография артиста, путь неустанных поисков и неустанной борьбы за утверждение в жизни и в искусстве «своего» — своих находок и открытий.

У истинного художника прежде всего нет «права» на повторение опыта своих великих предшественников. Не было такого «права» и у Вагаршяна. Но легко ли это — не повторять, когда армянская сцена уже дала таких гигантов, как Адамян, Сирануйш, Абелян, Папазян? Но Вагаршян не повторился.

В чем же была сила Вагаршяна-артиста? Что составляло сущность и особенность его артистической индивидуальности? Каков тот своеобразный вклад, который внес он в развитие армянской театральной культуры?

Прежде всего — любовь Вагаршяна к театру была любовью фанатика. Сцена была его жизнью, его стихией. «Ты живешь, любишь, проклинаешь, ревнуешь, страдаешь, борешься, примиряешься, понимаешь, познаешь. О, неужели кому-нибудь, кроме артиста, дано столько волнений и переживаний, столько восторга и радости!» В этих словах Вагаршяна его исповедание веры, девиз его жизни и творчества.

Мы не будем останавливаться на том, что, скажем, в перечне ролей, исполненных Вагаршяном, более ста пятидесяти имен. Разве вопрос в количестве? Ничуть. Ведь немало таких артистов, которые перевоплощались из образа в образ но не достигли высочайших вершин искусства.

Вагаршян был **художником нового времени**, артистом нового социалистического театра и носил в себе все то особенное и передовое, что присуще этому театру. У него были свои ясные и четкие эстетические взгляды, отражающие наше время, свои строгие принципы, которые служили ему и теоретическим руководством, и программой творческой практики. В своих поисках и дерзаниях он никогда не подражал и не повторял опыта великих представителей армянского классического театра. Гамлет и Арбенин, Хлестаков и Протасов, Фирс и Белозубов, Мавр и Сурен... Эти имеющие давние традиции и целую сценическую историю образы, не раз блестяще воплощенные в прошлом артистами русского, армянского и мирового театра, благодаря яркой творческой индивидуальности Вагаршяна получили в советском армянском театре новое истолкование и воплощение. Мы уже не говорим о таких творческих победах Вагаршяна, как образы Булычова, Полежаева, Аслана-ами, царя Гагика, Эзопа.

Вагаршян был **смелым артистом, художником-новатором.** Разве это не смелость — после прославленного щукинского Булычова обратиться к образу этого, по словам Щукина, «в своем роде русского Гамлета», попытаться оживить, воплотить и объяснить его по-своему? И эта смелая попытка Вагаршяна увенчалась блестящим успехом — его Булычов навсегда вошел в советскую театральную классику.

Артист, обладающий столь сильной индивидуальностью, схватывающий все новое и вдохновленный новым, мог дерзнуть и на еще более смелый опыт — впервые в истории театров наших братских республик создать на сцене могучий, всеобъемлющий образ Ленина.

Вагаршян создал образ Полежаева с неподражаемым мастерством и с особенным увлечением, потому что ему были чрезвычайно близки и родственны личность Полежаева, его порывы, стремления, мечты, потому что сам он в жизни был таким же, как Полежаев. Удивительно много общего было между Полежаевым-ученым и Вагаршяном-художником.

Вагаршян был артистом-мыслителем. Его внимание привлекали лишь поистине выдающиеся, значительные характеры. Полет мысли и половодье чувств — вот что вдохновляло его в них. И не случайно, что в 1942 году Вагаршян вышел на сцену в роли Гамлета.

Сценический образ Гамлета имел свою богатую историю, свои традиции во всех странах мира. Напомним еще, что армянская сцена знала уже образ Гамлета, созданный гениальным Адамяном. Вагаршяновский Гамлет стал предметом глубоких размышлений и горячих споров. И это значило, что Вагаршян сказал новое слово, с которым, как всегда, одни соглашаются, другие — нет. Однако никто из спорящих не смог

не признать, что Гамлет Вагаршяна — высокое достижение искусства. Но почему же? А потому, что невозможно было отнестись равнодушно к вагаршяновскому Гамлету, проповедующему и утверждающему жизнь, ищущему сверкающие крупицы правды в мире зла и несправедливости, лжи и лицемерия.

Верно сказала о нем газета «Правда», что артист Вагаршян накладывал печать своего искусства и своей личности на классические образы.

Вагаршян был **артистом контрастов и оттенков**, мастером перевоплощения. Разве можно забыть любовно созданный им образ царя Гагика в «Стране родной»? В первом действии — это восторженный юноша, влюбленный в жизнь и в свой народ; во втором — вождь, борющийся против врагов и заговорщиков; в третьем — любящий сын, нежный супруг и в то же время суровый судья по отношению к Вест-Саргису, а на поле сражения — это бесстрашный и опытный полководец.

Вагаршян был художник-реалист в самом широком понимании этого слова. Чеховские слова о том, что играть надо по возможности проще и естественнее, слова, определяющие природу и задачи театрального искусства, лежали в основе эстетических принципов Вагаршяна.

Вагаршяна в первую очередь интересовала социальная сущность, социальное содержание образа, психология героя. Ему чужды были поверхностность, внешний блеск, ложная «театральность», поза, ничего не говорящая ни уму, ни сердцу эффектность, «красивость» игры.

Вагаршян был **артистом высокой культуры.** Он выработал свою «технику» игры, основанную не на самоцельных приемах и изощрениях, направленную не на то, чтобы поразить зрителя необычайными сценическими эффектами, а подчиненную задаче раскрытия сущности образа, проникновения в недоступнейшие тайники внутреннего мира героя. Его фраза, ритмика, интонация, его взгляд, мимика, жест, походка — все было глубоко осмыслено, строго обусловлено характером и поступками героя. Поэтому созданные Вагаршяном образы несли в себе огромную силу воздействия и на долгие годы, навсегда, запечатлелись в памяти зрителей. Для Вагаршяна не существовало традиционного понятия «амплуа», он был многотемен и многообразен в своей игре. С равным успехом, с одинаковым блеском он воплощал образы армянской, русской и мировой драматургии, оставаясь во всех случаях глубоко **национальным художником, армянским артистом.**

Основой искусства Вагаршяна был человек. Его творчество озарено благородной и светлой любовью к человеку. Даже в самых трагических ролях он утверждал жизнь и веру в лучшее, в добро. Он был влюблен в свой век, влюблен по-юношески — страстно, самозабвенно, беспредельно.

Вагарш Вагаршян был и всегда будет славен своим делом, своим искусством. А смерть... смерть не разлучила нас с Вагаршяном. Он с нами. Он рядом — большой гражданин и большой художник.